

ИСТОРИОГРАФИЯ

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ В БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ США В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

А. Е. Кунина

Начавшаяся в последние десятилетия XIX в. методологическая перестройка американской буржуазной историографии была связана с наступлением нового этапа ее развития¹. Он обусловлен вступлением США в эпоху империализма, резким обострением классовых противоречий, ростом рабочего и фермерского движения. Закономерность этих явлений была научно доказана К. Марксом и Ф. Энгельсом, распространению идей которых в США содействовали переломные американские марксисты. Монополистическая буржуазия нуждалась в более искусном обосновании своего всевластия.

В данной статье автор ставит перед собой задачу дать краткий обзор процесса перестройки методологических воззрений американских буржуазных историков, который начался в последней четверти XIX в. и наглядно проявился в связи с ростом профессионализации исторических знаний. Задача представляется важной, поскольку в буржуазных исследованиях настойчиво проводится мысль о длительной «философской невинности» историков в США². Преднамеренно затушевывается тот факт, что с момента возникновения марксизма буржуазная историография повела ожесточенную борьбу против него в идейно-политическом и теоретико-методологическом плане.

¹ Барз М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980; Гаджиев К. С. Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии. М., 1982; Дементьев И. П. Американская историография гражданской войны в США (1861—1865). М., 1963; Он же. Идеиная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.). М., 1973; Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1967; Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977; Основные проблемы истории США в американской историографии, 1861—1919 гг. М., 1974; Федосеев П. Н. Марксизм в XX в. Маркс, Энгельс, Ленин и современность. М., 1972.

² В подготовленном по заданию Американской исторической ассоциации историографическом обзоре, в частности, говорится: «За немногими исключениями, наши историки не только не осознали критически собственные предпосылки. Они проявляли мало самостоятельного интереса к философским течениям и доктринальным ветрам, которые обдували Американский континент» (Theory and Practice in Historical Study: a Report of the Committee on Historiography. (Social Science Research Council). Bulletin 54, N. Y., 1946. p. 27—28).

Первые американские историки-профессионалы, вернувшись на родину после стажировки в университетских центрах Европы, восприняли от своих учителей (в Германии — последователи Леопольда фон Ранке, в Англии и Франции — сторонники позитивизма) неприязнь к спекулятивным теориям «классической» буржуазной философии. Достижения естественных наук наводили на мысль о первостепенном значении точных знаний, необходимости скрупулезного изучения фактов. Эта мысль нашла наиболее полное выражение в позитивистских системах Огюста Конта, Джона Стюарта Милля, Герберта Спенсера, подвергнувших критике абстрактные схемы общественного развития своих предшественников-философов, хотя их собственным теориям (при довольно существенных различиях между ними) были также присущи спекулятивность, вульгарно-идеалистический подход.

Американские историки восприняли в первую очередь свойственную позитивистским учениям ориентацию на эмпирическое знание, полученное посредством индуктивных методов изучения фактов и изложенное описательным путем. У Конта была заимствована идея о специфике конкретных наук в отличие от «синтетического» знания: она состоит в том, чтобы описывать, а не объяснять явления, отвечать на вопрос «как», а не «почему». Джон Стюарт Милль, чей главный труд «Система логики» (1843) оказал большое влияние на англо-американскую общественную мысль³, отрицал допустимость априорных гипотез при исследовании фактов. Теоретик социал-дарвинизма Герберт Спенсер излагал свою концепцию всеобщего эволюционизма («Основания биологии», 1899), описывая наблюдаемые биологические факты.

В исторической науке в этот период главное внимание уделялось созданию источниковой базы исследований, разработке методов сбора фактов, главным образом по политической истории. Основанное в 1895 г. (через одиннадцать лет после создания в 1884 г. Американской исторической ассоциации — АИА) «Американское историческое обозрение» в качестве одной из своих задач ставило усовершенствование методов работы с источниками. «Методы фундаментального исследования» должны постепенно вытеснить произвольные спекулятивные подходы, отмечалось на страницах журнала⁴. На вновь образованных кафедрах в американских колледжах и университетах настольной книгой студентов становится учебник исторического метода — «Введение в изучение истории» — профессоров Сарбоны Шарля Ланглау и Шарля Сеньобоса. В духе позитивистского историзма они определяли «научный метод» как отбор фактов путем критического анализа документов, их классификации и описания⁵.

³ Труд Милля играл роль «библии научного метода», отмечали авторы упомянутого историографического исследования. См.: *Theory and Practice in Historical Study*, p. 31.

⁴ *The American Historical Review*, 1896, Oct., vol. 2, N 1, p. 185.

⁵ Ланглау Ш., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1899. Другое общепринятое пособие того времени: *Bernheim E. Lehrbuch der Historische Methode und der Geschichtsphilosophie*. Leipzig, 1908.

Подобный подход к историческому исследованию вытекал также из методов анализа источников, разработанных профессором Берлинского университета Леопольдом фон Ранке (1795—1886), ведущим представителем немецкого идеалистического историзма. Подчеркивая первенствующее значение событий политической истории, он требовал их точного описания (рассказать, «как, собственно, все происходило»), отказа от всякой интерпретации и оценок. В предисловии к своему первому произведению «История романских и германских народов с 1494 до 1514 г.» (1824) Ранке писал: «Истории предписана задача оценивать прошлое, наставлять современников в интересах будущих эпох. На такую высокую миссию данная работа не претендует: она стремится лишь показать то, что в действительности происходило... Точное воспроизводство фактов, какими бы случайными и непривлекательными они ни представлялись, является, безусловно, главным законом»⁶.

Внешняя схожесть метода Ранке с тем, что излагалось в учебнике Ланглуа и Сеньобоса, привела к фактическому отождествлению в американской традиции двух противоборствующих «школ» — немецкого идеалистического историзма и позитивизма³ под общей рубрикой «объективистской» описательной историографии⁴. Вобраз в себя впоследствии и идеографические установки неокантианства, она обрела устойчивость в американской академической среде. Долгие годы в США понятие «историзм» связывалось с добросовестным, основанным на источниках описанием событий политической истории. При изучении американского прошлого политический нарратив, в центре которого, как правило, находилась деятельность президентов, считался образцом «научной» истории и официально поощрялся руководством АИА.

⁷ Вайнштейн О. Л. Развитие исторической мысли и исторической науки в Германии первой половины XIX в. — В кн.: Историография нового времени стран Европы и Америки, с. 153.

В европейской историографии конца XIX в. борьба между этими двумя направлениями была столь острой, что советский исследователь М. А. Барг связывает с ней разрывание первого этапа кризиса историзма на Западе. См.: Барг М. А. Вопросы метода в современной буржуазной историографии. — *Вопр. истории*, 1972, № 9, с. 64—65.

Историк К. Страут, говоря о «фетишизации фактов» в американской историографии, приписывал ее в равной мере «объективистскому» подходу Ранке и эмпирической традиции позитивизма: последователи Ранке в США, пренебрегая сутью его взглядов, попросту «приспособили» их к преобладающему в академической среде «позитивистскому духу». См.: *Strout C. The Pragmatic Revolt in American History: Carl Becker and Charles Beard*. New Haven, 1958, p. 20.

Для становления исторической науки в США разработка методов добросовестного использования источников, тщательный их подбор, создание архивов имели, безусловно, положительное значение. В этот период растет источниковедческая база американской историографии, издаются многотомные публикации документов (по войне за независимость, гражданской войне), совершенствуются методы критики источников. Библиотека конгресса в Вашингтоне становится крупнейшей в стране, фонд Гарвардской библиотеки уже насчитывал более 5 млн. изданий¹⁰.

Вопрос об образовании и расширении архивов по истории США находился в центре внимания деятельности АИА. Так, на ее годовичном собрании в 1887 г. Д. Винзор, хранитель библиотеки Гарвардского университета, тогдашний президент АИА, в президентском докладе «Документальные источники по истории США» подчеркнул необходимость создания на правительственном уровне специальной комиссии по историческим источникам (наподобие английской, образованной в 1869 г.)¹¹.

Формирование источниковой базы для исследований по истории США ставило преграду на пути бездумного сочинительства, когда досужие вымыслы наделенного воображением и даром слова историка-любителя выдавались за подлинные факты прошлого. На это обстоятельство указывал, в частности, в 1888 г. президент АИА В. Пул. Поразительно, говорил он, сколько сведений, перекочевывающих из одного исторического сочинения в другое, оказывались ложными, стоило только обратиться к первоисточникам¹².

Сведение «научного метода» к описанию фактов, почерпнутых из ограниченного круга источников (тех, что отражали в основном политическую деятельность правящей верхушки), стало общепринятым в американских академических кругах. Имя Ранке символизировало этот метод¹³.

В этот период, отмечается в историографическом исследовании, подготовленном по заказу АИА, «для американцев занятие „научной“ историей означало ... приобщение к избранному сообществу „чистых“ ученых. Факты отрывались от всякой гипотезы или интерпретации. Убеждение в „научной“ значимости фактов основывалось главным образом на том, что, вне всяких сомнений, они действительно имели место... „Факты“ представляли собой единственный подлинно „научный“ элемент в предмете, которым занимался исто-

¹⁰ Дементьев И. П. Историческая наука США в 70—90-е годы XIX в. — В кн.: Историография нового времени стран Европы и Америки, с. 325—326; см. также: История США: В 4-х т. М., 1983, т. 1, с. 634—640.

¹¹ Jameson J. F. The American Historical Association, 1884—1909. — American Historical Review, 1909, Oct., vol. XV, N 1/2, p. 13.

¹² Ausubel H. Historians and their Craft: a Study of the Presidential Addresses of the American Historical Association, 1884—1945. N. Y., 1950, p. 153.

¹³ Авторитет Л. Ранке среди американских историков, почитавших его как «первого мэтра их профессии», был столь высок, что в сентябре 1885 г., на втором годовичном собрании АИА, его избрали ее почетным членом. Ранке с удовлетворением выразил свое согласие. См.: American Historical Review, 1909, Oct., vol. 15, N 1/2, p. 12—13.

рик, а техника их точного установления — единственная часть процедуры исследования, которая могла претендовать на статус „научного метода“. Что же касается обобщений или „синтеза“, то они допускались лишь тогда, когда прямо вытекали из непосредственно-допускаемых фактов»¹⁴. Любые гипотезы и интерпретации, попытки изложения законов относились академической наукой к области «спекуляции» — занятию, присущему не конкретной научной дисциплине — истории, а социологии как «синтетическому» знанию.

Дж. Барджесс, основавший в 1880 г., после стажировки в Германии, Школу политических наук при Колумбийском университете, подчеркивал: «Мы учим студентов, во-первых, тому, как обнаружить исторический факт, как отличить факт от вымысла, как очистить его от приукрашивания и преувеличения. Поэтому мы отсылаем их для получения первичной информации к наиболее доступным оригинальным источникам. Если имеется более одного оригинального источника, касающегося данного факта, мы учим студента сравнивать их... Мы пытаемся научить его расположить добытые таким путем факты в хронологической последовательности, а затем ставим перед ним цель установить их причинно-следственную связь»¹⁵. Таким путем, как считал Барджесс, обеспечивается «объективность» исследования¹⁶.

По поводу притязаний так называемой объективистской историографии на «объективность» и «научность» необходимо сказать следующее. Во-первых, в практике исследования позитивистские установки, как и формула Ранке (рассказать, «как все происходило»), нереальны и неосуществимы. Историк не под силу отразить все, что имело место в прошлом. Многие важные события далеких эпох вообще не оставили следов. По новейшему времени, напротив, имеется переизбыток источников, в которых трудно без надлежащего критерия отличить события существенные от второстепенных. Само понятие «первоисточник» в значительной мере условно, так как его составители — свидетели происходивших событий — фиксировали не все факты подряд, а лишь те, которым сами придавали значение¹⁷. Важно также отметить, что процесс исторического познания не замыкается на источниках, как бы ни было велико их значение. Ос-

¹⁴ Theory and Practice in Historical Study, p. 31.

¹⁵ Burgess J. The Methods of Historical Study and Research in Columbia College. — In: Methods of Teaching and Studying History / Ed. by G. S. Hall. Boston, 1885, p. 218—220.

¹⁶ Подобные же взгляды выразил Герберт Б. Адамс (один из основателей АИА и ее первый ученый секретарь) в докладе «Новые методы изучения истории», прочитанном в 1883 г. в Американской ассоциации общественных наук (создана в 1865 г.). См.: American Historical Review, 1909, Oct., vol. 15, N 1/2, p. 5; см. также: The American Historical Association: the First Hundred Years. 1884—1984. — American Historical Review, 1984, vol. 89, N 4, p. 909—975.

¹⁷ Против фетишизации исторических источников предупреждал К. Маркс в своей оценке немецкой исторической школы права: «Историческая школа сделала изучение источников своим лозунгом, свое пристрастие к источникам она довела до крайности, — она требует от гребца, чтобы он плыл не по реке, а по ее источнику» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 85).

новываясь на одних только источниках, минуя их интерпретацию, нельзя получить объективно-истинное знание¹⁸. По оценке К. Маркса, метод Ранке мог означать только одно — «сведение всех крупных событий к мелочам и пустякам»¹⁹.

Коренной недостаток так называемого «научного метода» стали подмечать и буржуазные критики-современники. Как образно выразился социолог А. Смолл, «историки замечают щепки на леднике, но не видят несущего его горного хребта»²⁰. Из этого, однако, делался неправомерный вывод о принципиальной непригодности для исторической науки описательства: его называли прибежищем для «тех, кто не желает мыслить»²¹.

Между тем повествовательная форма органически присуща истории. Она отнюдь не исключает, а, напротив, предполагает анализ собранных фактов, выявление их сущности. Историк в виде рассказа излагает результаты своего научного исследования, в ходе которого он устанавливает определенные закономерности, управляющие рядами фактов. Как ученый, он обязан отвечать не только на вопрос «как», но и на вопрос «почему». «Задача науки заключается в том, — подчеркивает К. Маркс, — чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению...»²²

Главный недостаток так называемой объективистской историографии не в присущей ей форме повествования, а в том, что она не была — и не могла быть — объективной. Л. Ранке отражал в своих сочинениях взгляды прусского двора, при котором (с 1841 г. и до конца своих дней) занимал должность официального историографа. «Консерватором» назвал Л. Ранке Ч. Бирд, отмечая его ненависть к Великой французской революции²³. Исчерпывающую характеристику «так называемой объективной историографии» дал К. Маркс: она носила, по его словам, «реакционный характер»²⁴.

Концепции ведущих американских историков последней четверти XIX в. могут послужить примером того, к чему на практике сводился «научный метод» Ранке. Дж. Барджесс, например, развивал идею о «тевтонском происхождении» американских политических институтов, обосновывал «право» США на экспансию²⁵.

¹⁸ «Само по себе установление достоверности тех или иных упоминаемых в документах фактов еще далеко не достаточно для получения объективно-истинного знания о явлении, которое образует совокупность определенных фактов», — подчеркивает Б. Г. Могильницкий, анализируя формулу Ранке (Могильницкий Б. Г. О природе исторического познания. Томск, 1978, с. 62).

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 30, с. 352.

²⁰ Цит. по: Barnes H. E. The New History and the Social Studies. N. Y., 1925, p. 7.

²¹ Robinson J. H. The New History: Essays Illustrating the Modern Historical Outlook. N. Y., 1912, p. 62.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 343.

²³ Beard Ch. A. Written History as an Act of Faith. — American Historical Review, 1934, Jan., vol. 39, N 2, p. 221.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 39.

²⁵ Burgess J. Political Science and Comparative Constitutional Law. Boston; London, 1890—1891.

Дж. Банкрофт, представитель более раннего поколения, был сторонником провиденциализма, развивал тему об «избранном» американском народе. Ф. Паркмэн, проводя тезис о превосходстве английской цивилизации, оправдывал истребление индейцев при колонизации Западного. Д. Родс, освещая гражданскую войну, фактически сближался с рабовладельческой историографией²⁶.

Несоответствие теории и практики, неудовлетворенность «объективистским» методом порождали сомнения в его пригодности. Возникали вопросы: не обрекает ли формула Ранке историка на роль отрешенного от современности летописца? Как может он, ограничиваясь простым описанием фактов, отличить существенные от несущественных? Как постигнуть смысл собранных сведений, если историк не пытается их интерпретировать? И не влияют ли разворачивающиеся на глазах исследователя события современной жизни на его историческое видение? Эти и многие другие вопросы вплотную вставали перед исследователями, обсуждались на страницах научной печати и заседаниях АИА.

К отказу от «бесплодного перечисления бесплодных фактов» и к созданию философского синтеза человеческих взаимоотношений призывал в 1884 г. первый президент АИА, президент Корнельского университета А. Д. Уайт. Цель историка, подчеркнул он в докладе, состоит в том, чтобы показать, «через какие циклы рождения, роста и загнивания прошли различные страны; какие законы развития и загнивания можно справедливо считать установленными, а на их основе — каковы законы развития религии, морали, интеллектуальной жизни, социально-политического здоровья или болезни; какие явления следует считать полезными, содействующими эволюции всего того, что есть лучшего в человеке и обществе; какие явления, напротив, были вредными, потворствующими регрессу человека и общества»²⁷.

В 1889 г. в деятельности АИА был достигнут важный рубеж: 4 января президент Кливленд подписал акт, определяющий статус АИА в качестве субсидируемой правительством организации. Ей предписывалась роль «экспертного органа, советчика правительства по историческим вопросам», вменялось в обязанность «собрание и хранение исторических рукописей... в интересах изучения американской истории и исторических исследований в Америке»²⁸.

Официальный статус АИА — «советчик правительства» — вынуждал ее руководство серьезно задуматься над повышением социальной ответственности исторической науки. Приверженность к «научному методу» Ранке подтверждалась, но истории стали предъявляться и иные требования, в первую очередь повышение общетеоретического уровня²⁹.

²⁶ Дементьев И. П. Историческая наука США в 70—90-е годы XIX в., с. 186—187, 328—329, 333—334.

²⁷ Цит. по: Ausubel H. Op. cit., p. 190.

²⁸ Jameson G. F. Op. cit., p. 13.

²⁹ Историки в США, как отмечалось в американском историографическом исследовании, серьезно отставали в этом отношении от английских, французских, немецких коллег: «К 80-м годам XIX в. континентальная историогра-

На объективные потребности пытались откликнуться представители той тенденции в исторической науке, которая развивалась параллельно фактоописательству. Она тоже опиралась на позитивизм, в котором ориентация на конкретные науки сочеталась со стремлением к синтезу в рамках социологии (или «социальной физики») ³⁰. Ряд историков, следуя Конту, усматривали свою функцию не в анализе источников и изложении фактов, а в том, чтобы создавать «модели» исторического процесса, устанавливая — по аналогии с законами естественных наук — законы развития общества ³¹.

В США наибольшее распространение получили идеи социал-дарвинизма, выдвинутые в трудах Г. Спенсера ³². Его «органическая» теория, согласно которой человеческое общество, подобно животному организму, подчинено биологическим законам, оказала влияние на все общественные науки, в том числе на историю ³³. Социал-дарвинизм, по мнению известного американского историка Р. Хофстедтера, был важнейшим подспорьем консервативной мысли в США. Право сильного, «выживание наиболее приспособленных», ничем не сдерживаемая конкуренция трактовались как «естественный закон» человеческого общества; неспешная, без скачков, эволюция — как единственная форма развития ³⁴.

Профессор Гарвардского университета Генри Адамс в многотомном, насыщенном фактами исследовании истории США пытался — в отличие от биологического подхода Спенсера — проводить параллели с физическими процессами в природе. Ссылаясь, в частности, на действие второго закона термодинамики, он приходил к пессимистическому выводу о неизбежности исчезновения энергии во Вселенной, предсказывал упадок человеческой цивилизации ³⁵. С точ-

фия (Европы. — А. К.), совершив старт за несколько поколений до американской, обрела профессиональную самоуверенность и к тому времени выпустила в свет обширную литературу, посвященную самоанализу и самокритике» (Theory and Practice in Historical Study, p. 27).

³⁰ Г. В. Плеханов указывал на идеалистическую природу так называемой «социальной физики» — понятия, заимствованного Контом у Сен-Симона: «„Социальная физика“ рассматривает... развитие знания и вообще просвещения... Это уже чисто идеалистическая точка зрения XVIII века: мнения правят миром» (Плеханов Г. В. Избр. филос. произведения. М., 1956, т. 2, с. 561).

³¹ Согласно Конту, наука не объясняет, а лишь описывает явления. Формулировка законов, как неотъемлемая черта науки, принципиально противопоставляется выявлению причинных зависимостей, которое рассматривается как пережиток традиционной философской «метафизики». См.: Буржуазная философия XX века. М., 1974, с. 111—112.

³² Spencer H. The Development Hypothesis. London, 1852; Idem. Principles of Sociology. London, 1877. Vol. 1—4.

³³ «Применение концепции эволюции к политике, экономике и ко всем институтам вообще вызвало широкий отклик», — отмечал профессор Висконсинского университета М. Кэрти в своем исследовании развития американской мысли (Curti M. The Growth of American Thought. N. Y.; L., 1943, p. 568).

³⁴ Hofstadter R. Social Darwinism in American Thought. N. Y., 1959, p. 7 (1st ed.; N. Y., 1944).

³⁵ Adams H. The History of the United States of America during the Administration of Jefferson and Madison. N. Y., 1889—1891. Vol. 1—9.

ки зрения законов физики объяснял жизнь общества и брат Генри Адамса — Брукс. Если центром концентрации энергии в конечном счете станут США, полагал Брукс Адамс, то к этой стране должна перейти экономическая власть над миром³⁶.

В практике исследования, определяющие для исторического процесса факты социально-экономической жизни, так же мало укладываются в искусственные, заимствованные из естественных наук детерминистские схемы, как и в хроникальные повествования о деятельности политических лидеров. Труды историков-позитивистов отражали наивные попытки, приравняв историю к естественным наукам, придать ей подлинную «научность». Таким путем предполагалось соорудить «противовес» революционному перевороту в исторической науке, совершенному К. Марксом и Ф. Энгельсом. В 1843—1846 гг. основоположниками научного коммунизма была в главных чертах разработана теория исторического материализма, открывшая закономерности и движущие силы развития человечества. Материалистическое объяснение истории, по словам В. И. Ленина, впервые указало «путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса»³⁷.

К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что движущие пружины истории следует искать в развитии производительных сил и производственных отношений. В основу периодизации всемирной истории они положили научный принцип — последовательную смену общественно-экономических формаций. Материалистическое понимание истории представляло собой «мировоззрение, отвечающее условиям жизни и борьбы пролетариата»³⁸.

Со второй половины XIX в. главной (хотя открыто непризнаваемой) задачей буржуазного обществоведения, и в частности исторической науки в США, становится стремление опровергнуть революционное понимание исторического процесса, отрицать его объективно обусловленную закономерность, найти собственные, соответствующие интересам правящих кругов теоретические объяснения для новых явлений в обществе, связанных со вступлением капитализма в его последнюю стадию — империализм. Эта задача становилась особенно настоятельной в связи с развернувшимся в 90-х годах антимонополистическим движением, охватившим практически все слои общества. Талантливые публицисты (так называемые макрейкеры) раскрыли вопиющие факты о преступных махинациях бизнеса, разграблении богатств страны монополиями, злоупотреблениях в политике³⁹. Властителями дум становятся такие яркие представители мелкобуржуазной социальной критики, как Г. Д. Ллойд, Э. Белла-

³⁶ Adams B. *The Law of Civilization and Decay*. N. Y., 1895; *Idem*. *American Supremacy*. N. Y., 1900. Подробно об этом см.: Дементьев И. П., Гейвандов И. Д. Брукс Адамс. — Новая и новейшая история, 1977, № 1.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 58.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 498.

³⁹ Белявская И. А. Буржуазный реформизм в США, 1900—1914. М., 1968, с. 20—21.

ми, И. Тарбелл, Л. Стеффенс и др. Широкую популярность завоевали социалистическая партия и проповедуемые ею (в работах Де Леона, Ю. Дебса, Б. Хейвуда) идеи революционного преобразования общества. Глубоко встревоженные новыми веяниями, идеологи буржуазии (Л. Уорд, Р. Эли) впервые заговорили о кризисе американской общественной мысли, искали выхода из него с позиций буржуазного реформизма⁴⁰.

В этой обстановке многие историки начали отходить от позиции «объективистской» отрешенности, чистого фактоописательства, на которую ориентировал так называемый научный метод Ранке. Их уверенность в том, что, наизывая факты политической истории, они дают достоверную картину исторического процесса, была поколеблена⁴¹. Традиционная событийная историография зашла в тупик.

Не удовлетворяли и искусственные детерминистские схемы, навязываемые позитивистами. Генри Адамс, один из наиболее последовательных сторонников позитивизма в американской историографии, в 1894 г., уже после завершения своей девятитомной истории США, в президентском докладе перед АИА «Тенденция истории» высказал сомнение в возможности превращения истории в точную науку, способную с математической точностью предсказывать направление общественного развития. Он выразил серьезные опасения политического характера: если «законы истории» предскажут, например, грядущий триумф социализма, то не будут ли они с порога отвергнуты правящими кругами, если же, напротив, они возвестят о продолжении всевластия монополий, то не натолкнутся ли на отпор со стороны трудящихся масс?⁴² Так с трибуны АИА впервые открыто прозвучала мысль: американская историческая наука нуждается не в законах вообще, а в законах, социально желательных для буржуазии, способных внушать уверенность в незыблемости ее классового господства.

Многие историки, подключаясь к острым политическим и идеологическим схваткам своего времени, ставили вопрос о необходимости повышения «практической полезности» исторических знаний. При этом трактовки понятия «практической полезности», отражая столкновения прогрессивных и консервативных сил, были подчас прямо противоположными. В 1895 г., например, президент АИА Дж. Хор, сенатор-республиканец от штата Массачусетс, требовал, чтобы историки, выполняя предписанную им роль «слуг общества», встали на защиту «идей американизма» против их «фальсификации историками-скандалистами» (имелись в виду «разгребатели грязи»).

⁴⁰ Согрин В. В. Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1975, с. 9.

⁴¹ Не последнюю роль сыграли памфлеты «разгребателей грязи». «На тысячах фактах,— отмечает советский исследователь И. П. Дементьев,— „разгребателями грязи“ была показана связь экономики с политикой, и концепции, сводившие исторический процесс исключительно к политической истории, теряли свою убедительность» (Дементьев И. П. Об исторических взглядах Чарльза Бирда.— *Вопр. истории*, 1957, № 6, с. 148).

⁴² Ausubel H. *Op. cit.*, p. 195—196.

А через два года новый президент АИА, известный историк Д. Скулер, профессор университета Дж. Гопкинса, заявил: уроки истории необходимо использовать в борьбе против «плохой политики и политиков, в поддержку реформ, которые помогут усовершенствовать американское общество, представив миру высокий национальный образец»⁴³.

Вопрос о «практической полезности» знаний о прошлом выступал, таким образом, как одна из методологических проблем исторической науки, вокруг которой разворачивалась острая идеологическая борьба.

Методологические проблемы вставали также в связи с расширением рамок исторической науки в США, вызванным сближением со смежными общественными дисциплинами. Выводы последних ученые пытались использовать для комплексного исследования исторического процесса. Тенденция к синтезированию достижений и методов других общественных наук была навеяна и новой ступенью в развитии позитивизма, обусловленной прогрессом естественнонаучного знания, который обесценил априорные «синтетические» обобщения раннего позитивизма.

В последнее десятилетие прошлого века и в начале 900-х годов период подъема переживали такие общественные науки, как политэкономия, демография, география. В антропологии появилась сильная ветвь — «культурная антропология», в психологии на свершение «революции» претендовал «бихейвиоризм»⁴⁴. Большое влияние на историческую мысль начинает оказывать развивавшаяся в русле позитивизма теоретическая социология, трактующая структуру общества как механические взаимодействия различных «факторов»⁴⁵ — психологических⁴⁶, экономических, географических и др. Социологи предлагали выводы своей науки перенести на историю, рассматриваемую как чисто фактологическая, эмпирическая дисциплина⁴⁷. Важно при этом отметить, что ведущими темами в буржуазной социологии, несмотря на начавшийся отход от социал-дарвинизма, продолжали оставаться навеянные последним идеи о социальном равновесии, постепенном характере социальных изменений, преемственности («континуитете») ⁴⁸.

⁴³ Цит. по: *Ausubel H.* Op. cit., p. 33—36, 308. Позиция, занятая Скулером, была поддержана рядом последующих президентов АИА — Д. Фишером (1898 г.), Д. Родсом (1899 г.), Ч. Ф. Адамсом (1901 г.). См.: *Ibid.*, p. 40, 153—154, 197, 271.

⁴⁴ *Barnes H. E.* Op. cit., p. 40, 81.

⁴⁵ Согласно позитивистской «теории факторов», общественное развитие есть результат механического действия суммы разрозненных сторон общественной жизни (географическая среда, экономика, политика, раса и т. д.), каждая из которых оказывает влияние на другую.

⁴⁶ На психологические факторы делал упор, в частности, социолог Л. Уорд, выступивший против сторонника социал-дарвинизма У. Самнера. См.: *Coggin B. B.* Указ. соч., с. 31—61.

⁴⁷ Социолог Ч. Элвуд подчеркивал: наука истории — это социология. Сама же история составляет для последней фактический материал. См.: *Elwood C. A.* *Sociology and Modern Social Problems.* N. Y., 1910, p. 48.

⁴⁸ Уорд Л. Психические факторы цивилизации. М., 1897, с. 341; *Ward L.* *Applied Sociology. A Treatise on the Conscious Improvement of Society by Society.* N. Y., 1906, p. 31, 222.

Сторонники привлечения экономических, социальных и иных факторов в историческом исследовании не скрывали классовой направленности своих поисков в борьбе против исторического материализма, или «фейербаховско-марксистского детерминизма», как выразился профессор Колумбийского университета Г. Э. Барнес. Большие надежды, в частности, возлагались на новые психологические теории, которые якобы в состоянии «серьезно подорвать марксистскую теорию классового сознания»⁴⁹.

Толчок к поискам новых подходов к истории дали труды немецкого историка Карла Лампрехта. В 1904 г. он посетил США, а в 1905 г. в английском переводе вышла книга, в которой он пытался дать синтез экономического, политического и интеллектуального развития общества. Как и Л. Уорд, Лампрехт сводил причины социальных изменений к психологическим факторам⁵⁰. Американские историки ознакомились и с работами основателей французской школы «Анналов», в частности А. Берра⁵¹.

В американской историографии одним из первых новые веяния отразил Ф. Дж. Тернер — малоизвестный тогда историк, не написавший еще трактата «Значение границы в истории США». В опубликованной в 1891 г. статье «Значение истории» он высказал неудовлетворенность по поводу того, что стараниями Ранке и его последователей, а также под влиянием эволюционного подхода социал-дарвинизма большинство исторических трудов носит односторонний характер, внимание сосредоточивается исключительно на политических событиях. «Большой круг серьезных исследователей, — писал Тернер, — излагает эволюцию политических институтов, изучает их становление подобно биологу, прослеживающему путь созревания плода из семени, почки, цветка»⁵². Такому подходу Тернер противопоставлял сформировавшуюся в Германии (В. Рошер), в Англии (Т. Роджерс), во Франции «новую школу» историков, изучавших в первую очередь социально-экономические процессы и выделявших значение материальных факторов, роль «простых людей»⁵³. «Рассматриваемое с этих позиций прошлое, — писал Тернер, — приобретает новое значение. В центре внимания современных интересов становится четвертое сословие, основная масса народа. Утрачивая привычный характер повести о выдающихся личностях, история рассказывает об униженных тружениках земли, о рабстве, заложившем основу „славы Греции“, о крепостничестве, похоронившем „величие Рима“. ... в этих основополагающих экономических фактах, сообщающих о тех, кто добывает хлеб насущный, следует ис-

⁴⁹ Barnes H. E. Op. cit., p. 18, 84.

⁵⁰ Lamprecht K. What is History? N. Y., 1905.

⁵¹ La Synthese en Histoire: Essai Critique et Theoretique / Par H. Berr. P., 1911; См. рецензию Дж. Х. Робинсона: American Historical Review, 1912, Apr., vol. 17, N 3, p. 643—644.

⁵² Turner F. J. The Significance of History. — In: The Varieties of History, p. 199.

⁵³ «Очень часто, — приводит Тернер слова английского историка Т. Роджерса, — причина великих политических событий и социальных движений является экономической. До сих пор она оставалась неизвестной» (The Varieties of History, p. 199).

кату тайну возвышения и упадка страны... Преобладающим в историческом исследовании становится... экономический базис общества»⁵⁴, — приходит к заключению Тернер.

Тернер поставил проблему о соотношении истории и современности. Он высказал ряд соображений о социальной значимости исторических исследований для более глубокого понимания современных общественных процессов. Историк — не антиквар, не собиратель древностей, писал он. Его цель — понимание живой современности: «Задача историка состоит в том, чтобы постигнуть элементы настоящего, понять, что именно оно переняло из прошлого. Ибо современность — это просто развивающееся прошлое, а прошлое — неразвитое настоящее... Как невозможно понять строение животного без знания эмбриологии, так невозможно пытаться понять наше время, не изучив предшествующих событий»⁵⁵. При этом Тернер предупреждал об опасности, модернизации: «Не извращайте прошлого во имя настоящего»⁵⁶, — писал он.

Заслуга Тернера состоит в том, что в конкретных исследованиях он раздвинул рамки изучения истории США, переключив внимание с политической истории на анализ географических и социально-экономических факторов. Свою известную гипотезу о роли «свободных земель» в истории США, впервые изложенную в 1893 г.⁵⁷, Тернер позднее дополнил теорией «секций», столкновения между которыми (но не классовая борьба) изображались решающими в развитии американского общества⁵⁸.

Вместе с тем, пренебрегая собственными предостережениями против модернизации истории, Тернер дал новое обоснование тезиса об «американской исключительности». Наличие «свободных» (в действительности же насильственно отторгнутых у коренного индейского населения) земель давало, как писал Тернер, простор для деятельности «простого человека», явилось основой «американской демократии».

Что касается методологических воззрений Тернера, то они расцениваются американскими исследователями как первый шаг к разрыву с описательной историографией, как переход к использованию объяснительных гипотез. Тернер, как считают, положил начало «функциональной концепции истории»⁵⁹.

В президентском докладе Тернера перед АИА в 1910 г. «Социальные силы в американской истории» остро прозвучали две темы: необходимость комплексного подхода к изучению истории, кооперирования со смежными общественными науками; органическая связь истории с современностью. События современности озаряют своим светом прошлое, порождают объяснительные гипотезы. Стремясь

⁵⁴ Ibid., p. 200.

⁵⁵ Ibid., p. 200—201.

⁵⁶ Ibid., p. 208.

⁵⁷ Turner F. J. The Frontier in American History. N. Y., 1920.

⁵⁸ Концепции Ф. Тернера всесторонне исследованы Н. Н. Болховитиновым в ряде статей, а также в монографии «США: проблемы истории и современная историография».

⁵⁹ Theory and Practice in Historical Study, p. 47.

поставить историческую науку на службу буржуазному реформизму. Тернер говорил: «Историк должен держать в руках лампу, освещающую путь к консервативным реформам»⁶⁰.

Широко привлекал в своих ранних работах социально-экономический материал профессор Колумбийского университета, известный историк Чарлз Бирд. Стержнем исторического процесса Бирд считал столкновения «экономических групп», представлявших «определенные типы собственности»⁶¹. Наиболее полно эта концепция была выражена им в изданном в 1913 г. известном труде «Экономическая интерпретация конституции Соединенных Штатов»⁶². Анализируя работы Ч. Бирда, советский исследователь И. П. Деметьев выделяет следующие черты разработанного им варианта буржуазного экономизма: отождествление производственных отношений с самим производством, подмена классового деления общества классификацией по отраслям народного хозяйства и «экономическим группам»⁶³.

Сторонником сближения истории с другими общественными науками являлся и Карл Беккер, в 1910 г. он писал: «...отказавшись от чисто политической точки зрения, историки настроились на то, чтобы отразить влияние экономических и социальных условий на политическую историю. Для этой цели американская история открывает прекрасные возможности»⁶⁴.

В обобщенном виде методологическая платформа историков, стремившихся использовать методы других общественных наук, была сформулирована профессором Колумбийского университета Дж. Х. Робинсоном в книге «Новая история», изданной в 1912 г.⁶⁵

При всей буржуазной ограниченности их концепций, Ф. Тернер, Ч. Бирд, К. Беккер, Дж. Х. Робинсон ставили в центре своих исследований материальные (социально-экономические, географические) факторы; отрицая плавную эволюцию, фиксировали внимание на конфликтах (секционных, групповых, социально-экономических) в американской истории; писали не о правительственной политике, а о социальных движениях⁶⁶.

Поворот в сторону социально-экономической истории, отразив-

⁶⁰ *Ausubel H.* Op. cit., p. 46—47, 212, 327—328.

⁶¹ *Beard Ch.* The Industrial Revolution. L., 1901; *Beard Ch., Robinson J.* The Development of Modern Europe. An Introduction to the Study of Current History. Boston, 1907—1908. Vol. 1—11; *Beard Ch.* American Government and Politics. N. Y., 1910. См. также: *Деметьев И. П.* Об исторических взглядах Чарльза Бирда, с. 147—163.

⁶² *Beard Ch.* An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N. Y., 1913.

⁶³ *Деметьев И. П.* Историография в США начала XX в. — В кн.: Историография нового времени стран Европы и Америки, с. 500.

⁶⁴ *Becker C.* Some Aspects of the Influence of Social Problems and Ideas upon the Study and Writing of History. — American Journal of Sociology, 1912/1913, vol. 18, N 3, p. 641—675.

⁶⁵ *Robinson J. H.* Op. cit.

⁶⁶ *Мальков В. Л.* К вопросу о современном состоянии американской буржуазной историографии: (Кризис методологических основ и практика конкретных исследований). — В кн.: Критика современной буржуазной и реформистской историографии. М., 1974, с. 104—106.

пийшей во взглядах этих ученых, — характерная черта буржуазной исторической мысли в период перехода капитализма в империалистическую стадию развития. В буржуазной историографии была заложена основа традиции, не утратившей значения и сегодня. К этой традиции вполне применима оценка, данная В. И. Лениным либеральной общественно-политической литературе на рубеже XX в.: «...возникла литература, стоящая на буржуазной точке зрения и дающая все же приблизительно правдивую картину и — мнения и дающую, конечно, — критику финансовой олигархии»⁶⁷.

Таким образом, уже в первое десятилетие XX в. сближение истории с другими общественными науками дало определенные результаты. Оно расширило рамки исторического исследования, выводя его за пределы политической и институциональной истории. В связи с разрыванием «прогрессистского» движения плодотворной — в известных пределах — была постановка вопроса о связи истории с современностью. Сквозь призму борьбы за буржуазные реформы, с участниками которой они являлись, историки нового направления подходили и к оценке прошлых событий. Там, где раньше виделись абстрактные схемы — «предопределение судьбы», плавная эволюция, они рассмотрели острые столкновения и конфликты различных социальных групп, хотя сами оставались в плену географического, экономического, психологического детерминизма.

Важно, однако, отметить следующее: во-первых, буржуазные историки целиком приписывали себе открытие значения социально-экономических процессов, материальных факторов в общественном развитии, полностью игнорируя переворот в науке, совершенный основоположниками марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс еще в 40-х годах пришел к выводу: «...экономические факты, которые до сих пор в исторических сочинениях не играют никакой роли или играют жалкую роль, представляют, по крайней мере для современного мира, решающую историческую силу», они «составляют основу... для всей политической истории»⁶⁸.

Во-вторых, интерес к экономическому фактору не менял общей идеалистической природы воззрений историков нового направления. По поводу подобных воззрений Г. В. Плеханов писал: «...как назвать исторические взгляды людей, хотя и утверждающих, что экономический фактор господствует в общественной жизни, но в то же время убежденных, что фактор этот, т. е. экономика общества, в свою очередь является плодом человеческих знаний и понятий? Такие взгляды нельзя назвать иначе, как идеалистическими. Выходит, что экономический материализм еще не исключает исторического идеализма»⁶⁹.

В-третьих, представители буржуазного экономизма, по собственному признанию, следовали позитивистской «теории факторов». Выделяя значение социально-экономических процессов в истории и признавая роль народных низов, они, однако, не придавали им ре-

⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 344.

⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 220.

⁶⁹ Плеханов Г. В. Избр. филос. произведения, т. 2, с. 238.

шающего значения. По их мнению, все подходы к истории («прошлая литература», «прошлая политика», «прошлая религия», «прошлая экономика» — выражения Тернера) в равной степени истинны. Фактически тем не менее предпочтение отдавалось субъективному фактору. «История — самосознание общественного организма», — подчеркивал Тернер⁷⁰.

В противоположность такой точке зрения исторический материализм, открыв в материальном производстве базис жизни общества, понимаемого как единое целое, придает огромное значение также и всем другим элементам общественной надстройки. Но в основе своей исторический процесс определяется развитием и изменением способа производства материальных благ.

Против новых веяний в историографии, в защиту традиционных подходов выступил в 1908 г. профессор Йельского университета Дж. Б. Адамс. В президентском докладе перед АИА «История и философия истории» он резко осудил «новых историков», ищущих обобщений и закономерностей. В течение 50 лет, подчеркнул он, академическая подготовка историков предусматривает приобщение к методам «школы Ранке»⁷¹. Между тем, продолжал Дж. Б. Адамс, в последнее время возникли новые группы ученых, привлекающие к изучению истории данные других наук и открыто атакующие установки и практику «политических историков»: «Наши права подвергаются сомнению, на наши методы, результаты, идеалы совершаются нападки, во многих отношениях мы отброшены на оборонительные позиции»⁷². По мнению Дж. Б. Адамса, непозволительны претензии «новых историков» на то, чтобы установить, «каковы силы, определяющие события, в которых участвуют люди? Согласно каким законам действуют они?»⁷³. Стремясь определить «конечную причину» общественных явлений (например, в классовой борьбе) и тем самым «создать науку или философию истории», такие историки, подчеркивал Адамс, превышают свои функции, из области достоверных исторических фактов переходят к «спекуляциям»⁷⁴.

Хотя огонь критики представителей традиционной историографии был направлен против сторонников буржуазного экономизма, начавших поиски объяснительных гипотез в истории, на деле общим противником был марксизм, подчеркивающий значение классовой борьбы и обреченность капиталистического общественного строя⁷⁵.

⁷⁰ *Turner F. J. The Significance of History*, p. 200, 203.

⁷¹ «Первейшая обязанность историка состоит в том, чтобы установить как можно вернее и изложить в точности то, что произошло» (*Adams G. B. History and the Philosophy of History*. — *American Historical Review*, 1909, Jan., vol. 14, N 2, p. 221).

⁷² *Ibid.*, p. 223—224.

⁷³ *Ibid.*, p. 226, 229.

⁷⁴ *Ibid.*, p. 235—236.

⁷⁵ Так, например, вышедшая в 1911 г. книга социалиста А. Саймонса «Социальные силы в американской истории», в которой содержались отдельные марксистские положения и выводы, характеризовалась в академической печати как попытка «выстроить факты в подтверждение теории» классовой борьбы. Подобные обобщения, как отмечалось, «не могут внушить доверия». См.: *American Historical Review*, 1912, Apr., vol. 17, N 3, p. 613—616.

Среди американских историков развернулась острая полемика. Одни, подобно Дж. Б. Адамсу, считали «новых историков» узурпаторами, подрывающими основы исторической науки, превращающими свои исследования в иллюстрации к заранее заданным теориям. Другие, напротив, приветствовали новые подходы. В годы перед первой мировой войной круг сторонников «экономической», «социальной», «географической»⁷⁶ и иных «историй» расширился. В 1912 г., по мнению «Американ хисторикл ревю», они выражали «ведущую тенденцию»⁷⁷. Кооперирование историков с представителями смежных общественных наук выразилось, в частности, в том, что на годовичное собрание АИА 27–31 декабря 1912 г. были приглашены представители Американской экономической ассоциации, Американской ассоциации политических наук, Американской социологической ассоциации, Американской статистической ассоциации. Дж. Х. Робинсон, один из ведущих теоретиков «новой истории», был введен в состав редколлегии журнала «Американ хисторикл ревю», в котором значились такие мэтры исторической профессии, как Ф. Дж. Тернер, Дж. Б. Адамс, Дж. Ф. Джеймсон.

В 1912 г., как уже отмечалось, вышла книга Дж. Х. Робинсона, в которой в концентрированном виде были выражены идеи «новых историков»⁷⁸. Для того чтобы содействовать проведению буржуазных реформ, писал Робинсон, современники должны прежде всего «понять собственное время»⁷⁹. Важнейшим орудием «рационального прогресса» должно стать «историческое сознание». Имелся в виду подход к истории, прямо противоположный традиционному методу, который ориентировал исследователя на отрешенность от потребностей сегодняшнего дня, на полное погружение в изучаемую эпоху: «Если до сих пор настоящее было добровольной жертвой прошлого, то теперь наступило время, обращаясь к прошлому, использовать его в интересах поступательного движения». Именно история, подчеркнул Робинсон, должна помочь нам уяснить, как настоящее сформировалось из прошлого⁸⁰. Формулу Ранке «как это происходило» Робинсон предлагал заменить другой: «каким образом это произошло, каким путем из прошлого образовалось настоящее»⁸¹.

⁷⁶ Историк Е. Хантингтон в книгах «Пульс Азии» (1907), «Палестина и ее трансформация» (1911) и в ряде статей развивал мысль о том, что массовые переселения народов, сопровождаемые войнами и анархией, обусловлены периодическим изменением климата: «Эта проблема — в основном географическая... Историками должны быть приняты окончательные суждения географов» (Huntington E. Changes of Climate and History. — American Historical Review, 1913, Jan., vol. 18, N 2, p. 677).

⁷⁷ Ibid., Apr., vol. 18, N 3, p. 472.

⁷⁸ В развернутой рецензии на книгу, в которой отмечалась новизна подхода автора, делалась оговорка: «Многие члены исторической гильдии не соглашались с тем, что „новая история“ является такой, какой она здесь изображена, или что она должна быть такой» (American Historical Review, 1912, July, vol. XVII, N 4, p. 810).

⁷⁹ «Наше участие в проведении реформ зависит от понимания существующих условий и тех процессов, которые привели к их формированию», — подчеркивал Робинсон (Robinson J. H. Op. cit., p. 80).

⁸⁰ Robinson J. H. Op. cit., p. 24, 27, 52.

⁸¹ Ibid., p. 62.

с простого описания исторических событий внимание переключалось на их объяснение. Прошлое из нагромождения случайностей превращалось — в соответствии, как считал Робинсон, с открытым превином «генетическим подходом» — в процесс поступательного развития⁸².

Но функция историка, по мнению Робинсона, этим не ограничивалась. Объяснив — в «духе прогрессизма»⁸³ — настоящее как результат идущего из прошлого поступательного движения, историк обязан был всячески содействовать последнему. Его девизом становился: «история во имя простого человека», во имя «подавляющего большинства». Для него рассказ о «простых людях» и «простых вещах», о «материальном мире»⁸⁴ важнее бессмысленной хроники о завоевательных походах королей.

Следует, однако, подчеркнуть: перед историком ставился четко обозначенный социальный заказ, обусловленный буржуазным реформизмом. Отразив роль «простых людей» в прошлом, он обязан был внушить сегодняшним рабочим, что они — полноправные члены буржуазного общества, что последнее гарантирует им не беспросветный физический труд, а созидательную роль в улучшении социальных отношений (*social betterment*)⁸⁵. Плоды технического прогресса, все более совершенные машины избавят трудящегося человека от тяжелой, монотонной работы, высвободят время, дадут возможность обрести подлинное человеческое достоинство⁸⁶.

Подобные посулы отражали иллюзии буржуазного реформизма. В условиях капитализма плоды научно-технического прогресса, как известно, приводят не к улучшению положения трудящихся, а к интенсификации труда. Взгляды Робинсона были к тому же внутренне противоречивы: ратуя за лучшую долю для рабочих, он фактически оправдывал их эксплуатацию — требовал повышения «экономической эффективности» труда, защищал сложившуюся классовую структуру общества⁸⁷.

Как уже отмечалось, при разработке «новой истории» решающее значение придавалось использованию методов и приемов смежных общественных дисциплин, результатов их исследований. Археология, антропология, политическая экономия, социология, социальная психология должны были помочь историку познать окружающий его мир природы и общества, широкий спектр социально-экономических явлений. Кооперируясь с другими общественными науками, история, как считалось, будет в состоянии воссоздать не одностороннюю, а «синтетическую» картину прошлого⁸⁸.

⁸² Ibid., p. 64, 77, 100.

⁸³ Ibid., p. 166.

⁸⁴ Ibid., p. 132—134, 141—143, 149.

⁸⁵ Ibid., p. 251—252.

⁸⁶ Ibid., p. 150—153.

⁸⁷ Ibid., p. 142, 152.

⁸⁸ Barnes H. E. Op. cit., p. 11, 13.

В этой связи остро вставал вопрос о критериях отбора фактов, об общей гипотезе, которой должен руководствоваться историк, прибегая к помощи смежных наук. На практике, при изложении конкретного материала, историк вплотную сталкивался с проблемой: какому фактору — экономическому, географическому, психологическому — следует отдать предпочтение? Каков стержень, вокруг которого должны нанизываться почерпнутые из прошлого факты разнотипного характера?

Ответ, который давался на этот вопрос, обрекал историка на эклектику и беспринципность. «Ни одну группу факторов, — подчеркивал активный проповедник «новой истории» Г. Барнс, — нельзя считать адекватной в качестве основы организации исторического материала»⁸⁹.

Отмечая «взаимозависимость» и «равноправие факторов», «новые историки» вместе с тем подчеркивали: на практике исследователь не может при интерпретации фактов обойтись без определенной гипотезы об общем характере социальных процессов. Но эту гипотезу, как пояснял, например, Робинсон, он черпает не в познании объективной реальности прошлого. Ее подсказывают историку формирующие его сознание потребности сегодняшнего дня⁹⁰. Историк подходит к прошлому выборочно, извлекая из него ответы на вопросы, поставленные современностью⁹¹. Наша мысль, писал Робинсон, автоматически отбирает «то, что нам необходимо из прошлого для того, чтобы сделать понятным настоящее»⁹². Только таким путем может история стать «практически полезной», извлекать уроки для решения современных проблем⁹³.

Важно отметить: ориентация на современность подстегивалась и самой связью истории со смежными общественными науками (социологией, политэкономией и др.), занимавшимися в основном проблемами сегодняшнего дня.

Таким образом, одними из первых в американской буржуазной историографии начав исследование проблем исторического познания, представители «новой истории» подошли к выводу о невозможности абсолютной беспристрастности (на которую претендовала «объективистская» историография), о неизбежной партийности исторического знания. Но, столкнувшись — в теоретическом плане — с этой реальной проблемой, они решали ее в духе субъективизма и релятивизма. Коль скоро, рассуждали они, написание истории зависит от тех вопросов, которые ставятся сегодняшним днем, то нет и не может быть абсолютной истины, все области исторического знания относительны. Каждая эпоха, ставя новые вопросы, вынуждена заново переписывать историю, искать в прошлом те аспекты, которые соответствуют изменившимся условиям⁹⁴.

⁸⁹ Ibid., p. 11.

⁹⁰ Robinson J. H. Op. cit., p. 114—118.

⁹¹ Ibid., p. 135—137.

⁹² Ibid., p. 19.

⁹³ Ibid., p. 17—18.

⁹⁴ Ibid., p. 130, 134.

Важнейшие вопросы исторического познания — о связи истории и современности, соотношении абсолютной и относительной истины, неизбежной партийности исторической науки — были поставлены на научную основу классиками марксизма-ленинизма. Современность действительно влияет на формирование исторического сознания, но в определенном смысле: она ставит перед историком именно те вопросы, которые наиболее важны в настоящий момент. Из этого, однако, не следует, что выводы историка по необходимости носят субъективный характер и поэтому написанная им история должна время от времени переписываться. Настоящее ставит перед историком вопрос, но ответ на него он находит в изучении конкретного исторического материала. Как процесс познания, так и конечные результаты исследования определяются позициями того класса, который представляет историк. В этом проявляется неизбежная партийность исторической науки, вытекающая из общественной обусловленности человеческого сознания⁹⁵. Что касается элемента относительности, релятивизма, то он неизбежно присутствует во всяком познании, отражая относительность достигнутого в данный момент его уровня. В. И. Ленин указывал: «Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине»⁹⁶. В целом же, подчеркивал В. И. Ленин, «человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин»⁹⁷.

В соответствии с собственными методологическими установками «новые историки» переписывали историю с позиций буржуазного реформизма. Центральными для них были идеи преемственности в общественном развитии, медленных, постепенных изменений, неравномерности революционных взрывов⁹⁸. В изображении Робинсона, например, даже Великая французская революция представляла как цепь реформистских преобразований. По его собственному признанию, такая трактовка была направлена против марксистской интерпретации истории⁹⁹.

Хотя «новые историки» неоднократно подчеркивали «равноправие факторов», как материальных, так и духовных, в историческом процессе (претендуя тем самым на «соединение» материализма и идеализма), они все же выделяли в качестве определяющего субъективный фактор: роль сознания, разума, идей¹⁰⁰. Проявившийся уже в первых работах историков этого направления (например, у Тернера) субъективизм был особенно ясно выражен в более поздних из-

⁹⁵ Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959, с. 226, 245.

⁹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 139.

⁹⁷ Там же, с. 137.

⁹⁸ Robinson J. H. Op. cit., p. 127, 155, 161, 241.

⁹⁹ Ibid., p. 252.

¹⁰⁰ Ibid., p. 101, 128.

даших¹⁰¹. Но он прикрывался ссылками на теорию «равноправия факторов».

Параллельно в начале 900-х годов оформилось другое направление, которое выступило как против «объективистской» историографии, так и против сближения со смежными дисциплинами. Оно открыто объявило: человеческая мысль, законы разума — главная движущая сила истории. Такую позицию занял, в частности, профессор Гарвардского университета А. Харт, редактор многотомного сводного труда по истории американского народа¹⁰². В президентском докладе на годичном собрании АИА в 1909 г., озаглавленном «Воображение в истории», он сосредоточил внимание на проблемах исторического познания. «Факты сами по себе... — заявил он, — образуют историю не более, чем выстроенные в батальоны рекруты составляют армию». Сущность истории, ее синтез и закономерности следует искать в особенностях человеческой природы, в «законах разума»¹⁰³. На историю, подчеркивал Харт, накладывают отпечаток личность познающего субъекта, отличительные черты его воображения и интеллекта¹⁰⁴. Харт вплотную подошел к вопросу о специфике исторического познания, который начинает приобретать все большее значение среди методологических проблем буржуазной исторической науки.

Выделение субъективного фактора в процессе познания отражало влияние на историческую мысль новых веяний в философии. На смену позитивистским схемам (в частности, социал-дарвинизму¹⁰⁵), а порой преобразовывая их в субъективистском духе, приходит прагматизм, который, по выражению В. И. Ленина, становится «„последней модой“ самоневейшей американской философии»¹⁰⁶. Прагматизм отрицает познание как отражение независимой реальности, а истину — как соответствие действительности. Для него характерна трактовка познания как одной из сторон целенаправленной деятельности общественного человека. Согласно прагматизму мышление есть приспособительная, а не познавательная деятельность человека, свободного в выборе целей и средств. Свобода воли позволяет ему выбрать любую альтернативу действий: в конечном счете он выбирает ту, которая наиболее выгодна¹⁰⁷.

В конкретных условиях начала 900-х годов, когда детерминистские схемы еще продолжали сковывать общественную мысль, прагматизм оказал на нее определенное положительное воздействие. Оно

¹⁰¹ В 1925 г., например, Г. Барнс подчеркивал: «Человеческая мысль — единственная связующая нить в истории» (*Barnes H. E. Op. cit.*, p. 11, 12).

¹⁰² *The American Nation: A History*. N. Y., 1904—1908. Vol. 1—26.

¹⁰³ *Hart A. B. Imagination in History*. — *American Historical Review*, 1910, Jan., vol. 15, N 2, p. 234, 236—238.

¹⁰⁴ *Ibid.*, p. 245.

¹⁰⁵ Еще в 1890 г. У. Джеймс, один из основоположников прагматизма, назвал социал-дарвинизм «разновидностью восточного фатализма» (*James W. Principles of Psychology*. N. Y., 1890, vol. 1, p. 35).

¹⁰⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 363.

¹⁰⁷ Современная буржуазная философия / Под ред. А. С. Богомолова, Ю. К. Мельвиля, И. С. Нарского. М., 1972, с. 227—270.

проявилось в тезисе о необходимости для человека, не полагаясь на общепринятые идеи, активно действовать, экспериментировать в поисках новых вариантов человеческих взаимоотношений. Такие установки, в частности, стимулировали практическую деятельность буржуазных реформаторов, фиксировали внимание на роли общественного сознания, которое, однако, рассматривалось в отрыве от конкретной социальной среды.

В исторической науке начавшийся поворот к прагматистскому образу мышления выразил в 1910 г. Ф. Теггарт, получивший впоследствии известность как автор исследований по методологии истории¹⁰⁸. Для Теггарта неприемлемы ни фактоописание по формуле Ранке, ни детерминистские схемы социал-дарвинизма, ни предложенное «новыми историками» сближение со смежными общественными дисциплинами. Нельзя допустить, писал Теггарт, чтобы история стала служанкой во владениях других наук, будь то политические или естественные: «Некритическое заимствование аналогий из области других наук нельзя признать в качестве научного метода. Каждая наука вырабатывает собственные гипотезы, сформулированные в собственных терминах и вытекающие из собственного материала». Ни биология, ни политическая наука, ни социология не в состоянии помочь в решении чисто исторических проблем. «К истории, — писал Теггарт, — надо подходить как к самостоятельной проблеме»¹⁰⁹, выдвинув самостоятельные, присущие только ей гипотезы.

В поисках таких гипотез Теггарт обращался, однако, не к самой истории, а к философским постулатам прагматизма. Общей исторической закономерностью он предлагал считать «теорию приспособления». Историю человеческого общества он рассматривал как последовательный ряд приспособительных действий, предпринимаемых мыслящими людьми для преодоления возникающих перед ними трудностей¹¹⁰. При этом, считал Теггарт, приспособление совершается как путем убеждения, так и путем принуждения. Последнему — «агрессивному фактору приспособления» — он приписывал решающую роль «как в истории, так и в жизни отдельных людей»¹¹¹.

Гипотеза Теггарта, отрицавшая объективную реальность и закономерность исторического процесса, акцентировала внимание на сознательном выборе отдельной личностью собственного пути среди открывающихся перед ней альтернатив. Такой подход, по мнению Теггарта, высвобождал историю из плена детерминистских схем, к которым он, как и большинство буржуазных обществоведов, причислял и ложно трактуемый марксизм.

¹⁰⁸ Teggart F. J. *Prolegomena to History*. N. Y., 1916; *Idem*. *Processes of History*. N. Y., 1918; *Idem*. *Theory of History*. N. Y., 1925; Вайнштейн О. Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX вв. М., 1979.

¹⁰⁹ Teggart F. J. *The Circumstance or the Substance of History*. — *American Historical Review*, 1910, July, vol. 15, N 4, p. 711.

¹¹⁰ *Ibid.*, p. 715.

¹¹¹ *Ibid.*, p. 717—718.

Предложенная Теггартом объяснительная гипотеза несла на себе отчетливую печать субъективного идеализма. История из реально происходящего объективного процесса превращалась в сферу столкновения и борьбы идей. Согласно его рассуждениям, мыслящая личность, попадая в изменившуюся ситуацию, пытается найти приемлемый компромисс между сохранившимися элементами старого порядка и идеями, порожденными новыми обстоятельствами. Любые попытки одним махом разрушить преграды, возникающие на пути складывающихся новых обстоятельств, Теггарт считал утопичными: «В реальной жизни подобные одновременные революции неосуществимы», все прошлые цивилизации складывались в результате приспособления¹¹².

Понятие «процесс приспособления» Теггарт трактовал волюнтаристски, как последовательный ряд принятых человеком решений и осуществленных компромиссов. Они-то, по его мнению, и составляют содержание исторического процесса: «Проблемы возникают, решения принимаются, приспособления проходят испытание. Эти приспособления, все, что им предшествует и из них вытекает, и составляют историю. Об истории мы можем знать только то, что нынешнее положение вещей является результатом осуществленных в прошлом приспособлений»¹¹³. «Несовершенством социального приспособления», т. е. неправильно принятыми субъективными решениями, Теггарт объяснял причины «социальных беспорядков»¹¹⁴.

Своим пониманием истории — «хроника о попытках людей достигнуть приспособления в человеческих взаимоотношениях»¹¹⁵ — Теггарт определял и ее социальную функцию: уяснив содержание приспособлений в прошлом, историк сможет помочь осуществить их в настоящем.

Взгляды Теггарта освящали капиталистическую действительность, предлагали приспособиться к ней, уводили в сторону от революционной борьбы. Теория исторического познания прочно утверждалась на позициях субъективизма.

Мы попытались проследить тенденцию развития методологических подходов в американской буржуазной историографии с момента ее оформления в качестве академической дисциплины. Хотя этот очерк далеко не полный, он тем не менее позволяет прийти к выводу: начавшийся в американской буржуазной историографии в последней четверти XIX в. процесс перестройки не способствовал усовершенствованию исторических знаний, а, напротив, свидетельствовал о начале методологического кризиса. «Объективистский» подход Рапке и раннего позитивизма, при всей его ограниченности и классовой направленности, все же нацеливал историков на отображение — путем сбора фактов, сравнительного анализа источников — реальной (хотя и односторонне воспринятой) действительности. Определенное положительное значение имело предложенное так называе-

¹¹² Ibid., p. 716.

¹¹³ Ibid.

¹¹⁴ Ibid., p. 717—718.

¹¹⁵ Ibid., p. 719.

мыми «новыми историками» в начале 900-х годов сближение со смежными дисциплинами. Оно способствовало расширению рамок исторической науки. Переключив внимание с политической на социально-экономическую историю, представители буржуазного социализма увидели борьбу и столкновения интересов различных социальных групп там, где их предшественники усматривали нагромождение случайностей или абстрактную детерминированность. Вместе с тем разработанные ими подходы были направлены против исторического материализма. Поставленные ими (фактически впервые в американской историографии) вопросы исторического познания трактовались в духе субъективного идеализма.

В годы перед первой мировой войной это направление, стремившееся дать собственную — в противовес марксистской — интерпретацию исторических событий, натолкнулось на противодействие со стороны историков, воспринявших установки философии прагматизма (в частности, Теггарта). В методологии истории акценты все более явно перемещались с попыток отображения самого исторического процесса (онтологическая проблематика) на способы и принципы его познания (гносеологическая проблематика). При этом познание трактовалось в субъективистском духе, как произвольный акт историка, всецело зависящий от его личных, обусловленных современностью воззрений. Постепенно подготавливалась почва для релятивизма, который с наступлением эпохи общего кризиса капитализма начал подтачивать основы буржуазных концепций исторического познания.

Для рассматриваемого периода (т. е. до первой мировой войны), однако, был характерен отрыв методологических изысканий от конкретной исследовательской практики. В своих трудах основная часть американских буржуазных историков, независимо от теоретических поисков коллег, продолжала излагать историю в духе традиционного описательства. Наиболее ценные исследования выходили из-под пера тех историков, которые вопреки субъективистским методологическим установкам приблизились к отображению отдельных сторон социально-экономической жизни общества.